

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И СВОБОДА КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ КОНЦЕПТЫ: ДИХОТОМИЯ «ЗАПАД-ВОСТОК»

©Заикин А.А., 2010 (г. Таганрог, Ростовская обл.)

Общественные отношения и рациональность.

Навязывание рациональности в западной культуре.

Что касается характеристики общественных отношений европейского общества, то в нем рациональность является базовой ценностью культуры [16. – С. 102]. Если для сравнения взглянуть на Восток, то там мы увидим совершенно другую картину. Дело в том, что исторически, еще со времен античности, европейская цивилизация основывала свое бытие на рациональности. И она пронесла эту идею сквозь века, нисколько не принизив ее значения. Наоборот, со времен просветителей и энциклопедистов Нового времени, считавших, что рациональность должна спасти мир и прийти на смену метафизике и религии, ее ценность все более увеличивалась. На сегодняшний день мы имеем огромное количество социальных институтов, завязанных на рациональность как базовую ценность. Особенно это касается в первую очередь Америки, затем Европы.

Со времени изобретения компьютера облик все западной цивилизации существенно изменился. Еще издревле, как пишет Е.Ю. Леонтьева, рациональность понималась на Западе прежде всего как расчетливость. Русский же этимологический словарь связывает последний термин с понятием счета. И это справедливо. Весь облик западной культуры со времен Великих географических открытий и начала Нового времени связан с деятельностью купцов-мореплавателей, которые отправляли заокеанские экспедиции в надежде обрести сокровища, а после удачного исхода дела подсчитывали барыши. Отсюда и берет свое понимание рациональность. Другая трактовка – это умение дельца так рассчитать мероприятие, придумать хитрый план и предусмотреть все исходы дела, чтобы в случае чего не потерять прибыль. Оба эти понимания близки по смыслу.

И сегодня мы являемся, в некоторой степени, «заложниками» этой общественной системы, в основе которой лежит понятие рациональности как расчетливости. Современный западный мир (Европа и Америка) показывает нам и всему миру определенную модель общества, построенную целиком на рациональности указанного типа. Как утверждает В.И. Мельник, «Эмпирически очевидно, что постиндустриальные информационные технологии не развеивают миф о “дезиндустриализации” развитых стран и не несут прогресса широкой прослойке “кнопочных исполнителей” компьютерного поточно-массового производства, порождают новый тип социально-классового неравенства,

связанный с неравномерным доступом к информации (Интернету) и новыми преимуществами интеллектуальной собственности, а отсюда неравенством в распределении всей системы благ и ресурсов не только на общественном, но и на международном уровне. Это особенно заметно в контексте глобализации ценностей постиндустриализма, обостряющей проблемы “информационного неокOLONиализма” и национально-культурной деградации развивающихся и малоразвитых стран, все более попадающих в материальную и масскультурную зависимость от развитых стран “золотого миллиарда” и особенно США» [8. - С. 35-36]. Ему вторит Е.В. Бакеева: «Так, многие тенденции, характеризующие существование и развитие современной экономики, свидетельствуют об исчезновении непосредственной связи между так называемыми “общечеловеческими ценностями” и определенной “вещной” реальностью. Здесь достаточно указать на широко известные и обсуждаемые в настоящее время политиками, экономистами, философами, социологами проблему растущего разрыва в уровне жизни между “Севером” и “Югом”, неэффективности – с точки зрения долгосрочной перспективы – и неустойчивости мировых финансовых институтов, окончательного закрепления за большим числом развивающихся стран статуса “сырьевых придатков” и другие» [3. - С. 31-32]. В современной его трактовке это – экономическая рациональность, в которой «правят бал» понятия прибыли и эффективности, и совершенно исключен этический и культурный компонент. По мнению А.П. Лыскова, «Рационализм формирует убеждение, что человек, опираясь на знание, способен переделать природу на научной основе, справедливо устроить социальную жизнь, решив, таким образом, все свои социальные проблемы. Расчет, принимающий во внимание полезность, выгоду, выигрыш, на каком-то этапе развития цивилизации западного образца вытесняет из сферы человеческой жизнедеятельности понятия, которые принято связывать с духовным измерением» [7]. это – экономическая рациональность, в которой «правят бал» понятия прибыли и эффективности, и совершенно исключен этический и культурный компонент. И хотя сами «правила игры» стали менее прозрачными, чем двести лет назад, во времена ковбоев, в общем ситуация осталась прежней. И все разговоры о якобы учете личностных особенностей, внутреннего мира человека и его потребностей – не более чем самые изощренные способы заставить людей больше потреблять. Как утверждает Л.П. Воробьева, «Кризис классического рационализма предвосхитил катаклизмы XX в. и общий кризис веры в абсолютные возможности разума. Отчуждение сопровождается деперсонификацией личности, ее духовным, нравственным оскудением. Формируется массовая культура общества потребления» [4. - С. 16].

В западной культуре, таким образом, рациональность навязывается «сверху», как со стороны правительства, которому нужны идеальные законопослушные граждане, так и со стороны ТНК, которым нужны идеальные потребители. По мнению М.В. Ромма, «в соответствии с нормативным пониманием социальная адаптация личности – это процесс непрерывного социального контроля над соответствием/несоответствием поведения человека неким господствующим в социуме нормам и ценностям, которые принудительно “навязываются” человеку в инкретном процессе социализации, и в то же время – это система социальной деятельности, связанная с преодолением адаптивных барьеров, которые тормозят процесс приспособления или препятствуют ему в той или иной адаптивной ситуации» [12. - С. 29].

Это всеобщее навязывание рациональности «сверху» все больше убеждает нас в том, что человек как субъект культуры, как личность, теряет подлинную свободу. Как пишет Е.В. Штифанова, «Свобода возникает в процессе выбора средств для самодетерминации, самореализации, самоорганизации личности. Личность не просто выбирает из того, что ей предлагает группа, корпорация, она выбирает с позиций своих возможностей и их реализации – выбирает не результаты, а средства деятельности, не стандарты, а пространства для приложения своих сил.

Однако утрата твердых опор, когда индивиды вынуждены брать на себя ту тяжесть, которую несли на себе прежние наиндивидуальные социальные структуры, приводит к потере социально-психологического комфорта. Возникает описанный Эрихом Фроммом феномен “бегства от свободы”» [16. - С. 18]. Особенно это заметно после подписания так называемого «патриотического акта» в США, по которому малейшее подозрение в терроризме, оправданное или неоправданное, доказанное или недоказанное, автоматически лишает человека как гражданина своей страны всех гражданских свобод, и самой главной свободы – свободы быть личностью и иметь свое мировоззрение, свободы высказывать свои идеи и делиться ими с другими, свободы быть человеком. И это актуально и для нашей страны (после появления закона «О борьбе с терроризмом и национальным экстремизмом» и общего социально-политического строя жизни).

Рациональность и социализация. Модели рационального поведения и их передача через воспитание.

В общем русле культурного развития человека наряду с развитием присутствует понятие социализации. Обычно социализацию связывают с усвоением культурных норм, то есть инкультурацией. Так как рациональность является в современном ее понимании частью культуры, то процессы социализации охватывают в общем виде и такое понятие, как

рациональность. Другими словами, рациональность, ее понимание эволюционируют вместе с обществом, в котором мы живем, и одновременно с той ее неизменной частью, которая является для нас уже историей, проступают сквозь этот фон и такие изменчивые явления, как бытие рациональности в современном обществе. По утверждению М.В. Ромма, «... социализация – это процесс непрерывный (инкретный), идущий с момента рождения до смерти, а социальная адаптация – процесс прерывный (дискретный), связанный с новыми обстоятельствами жизнедеятельности человека. Прежде чем индивид включается в процесс адаптации к изменившейся социальной ситуации, порождающей новые нормы и ценности, необходимо, чтобы он приобщился к также претерпевающим изменения к группам и социальным институтам в процессе социализации.» [12. - С. 20-21].

Рациональность, как справедливо заметила Е.Ю. Леонтьева, имеет исторически изменчивую природу. Мы, таким образом, справедливо можем полагать, что рациональность, как и все общественные ценности, «завязанные» на общественно-исторические процессы, в некоторой степени зависит как от характера того общества, в котором оно существует, так и от того исторического времени, которому оно принадлежит.

В современном западном мире рациональность и рациональное поведение являются одной из внутренних составляющих человеческого общества. Таким образом, рациональность транслируется в общество и свободно усваивается его членами как ведущая стратегия поведения. В современном обществе существуют несколько моделей социализации, также – и несколько моделей рационального поведения. В зависимости от места рациональности и его доли в личности каждого человека, могут быть представлены такие модели рационального поведения, в которых: рациональность является ведущей ценностью; рациональность рассматривается как ценность; рациональность рассматривается как составляющая человеческой личности. В зависимости от доли рациональности в личности человека, мы можем выделить такие типы поведения: рациональное поведение, когда человек в большей степени опирается в своей деятельности на логику и доказательность; дорациональное поведение, когда человек в большей степени ориентируется на инстинкты и пренебрегает логикой, считая, что она чрезмерна; сверхрациональное поведение, когда человек ориентируется на интуицию, внутреннее чутье, отвергая рациональность как недостаточную.

Эти модели рационального поведения в процессе социализации передаются из поколения в поколение, через механизмы социализации. Дети, используя процессы социального научения и подражания, интериоризируют социальный опыт своих родителей, воспринятый ими в

неформальном поведении, и данный опыт становится в последующем их личностной стратегией поведения. При этом здесь присутствуют две тенденции: либо усвоение родительского опыта (полностью), либо выработка собственной позиции в отношении самого себя, родителей и тех образцов поведения, которые они транслировали.

Если личность достаточно культурно развита и может видеть варианты и ситуации выбора, то она, осуществляя акт свободной воли, ориентируется на какую-либо из указанных стратегий поведения, либо пытается создать комплексную стратегию из своей и родительской, либо самостоятельно выбирает строить свою модель рационального поведения.

В любом случае, рациональность объективно присутствует в человеческом поведении и деятельности, независимо от ее процентного содержания, и нам нужно научиться использовать ее во всем комплексе нашей жизни и поведения.

Смысл, значение и отношение к рациональности в восточной культуре.

Восточная культура, в отличие от западной, существует в единстве науки, религии и философии. Западная культура с ее всеобщим разделением как внешних по отношению к человеку сфер общественной жизни, так и разделением самой личности человека, ее внутренних составляющих, по большому счету оказалась обособлена от общего культурного процесса, поделена на автономные, в некоторой степени закосневшие атомизированные единицы. Как отмечает Л.Л. Штуден, «Цивилизованное сознание проявляет склонность к деградации в первую очередь потому, что в искусственно защищенном мире человек долго сохраняет иллюзию своей самодостаточности. Он больше не нуждается в ценностях, выходящих за рамки его наличного бытия, где любая истина становится прописной и сама религия превращается в привычку. Цивилизованный социум все более превращается в общество самодостаточных, живущих для самих себя индивидов. И он нуждается, следовательно, во внешней цементирующей силе. Такой силой может быть либо власть суверена, либо власть закона.» [17. - С. 20]. Сама идея атомизации личности, ее внутренней автономии по отношению к обществу глубоко чужда восточной культуре. И в этом восточная культура близка религиозно-философскому мировоззрению первых вв. н. э. Некоторые исследователи ошибочно предполагают, что восточное общество находится на несколько ступеней ниже западного, как в плане НТР, так и в плане общественного устройства, и причисляют восточную культуру к традиционным обществам. Если понимать эту проблему как дихотомию «традиционное-техногенное», то мы, естественно, вынуждены записать восточное общество и его культуру к первому типу. По утверждению А.П. Лыскова, «к ним [характеристикам традиционных

обществ] можно отнести медленные изменения в сфере производства, воспроизводство в неизменном виде сложившихся веками структур, стабильность жизненного уклада, культурных традиций и этических норм, аккумулирующих опыт предков, господство в духовной сфере религиозно-мифологических представлений и канонизированных положений. Общество с таким социальным генотипом обладало удивительной прочностью и стабильностью.» [7]. Но если посмотреть чуть шире, мы обнаружим, что так называемые страны востока отнюдь не отстали в своем НТР. Напротив, некоторые из них занимают первые места в числе экономически развитых стран. Среди них Индия, которая показывает наиболее благоприятные темпы экономического роста, Китай, Япония, ставшие не просто региональными центрами экономик, но входящие в двадцатку лучших экономик мира. Саудовская Аравия и Иран активно занимаются экономическим развитием, развивают науку, культуру.

Как мы видим, однако, в анализе западной и восточной культуры экономический вопрос не может быть довлеющим. Основное различие этих миров – в типе общественного устройства, способе жизни, мировоззрении, представлении о личности и смысле жизни.

Под типом общественного устройства мы будем понимать не государственный строй или форму государственного правления, а те внутренние особенности жизни общества, которые отличают Восток от Запада.

Как мы уже упоминали, основное отличие западной культуры от восточной в этом смысле – это дробление (общества, человека, сознания) и синергия (единство) соответственно. Восточный человек живет в единстве с природой, со своим родом, семьей, он помнит историю своего рода. Западный человек как правило отделен от своей семьи, вся его жизнь поделена на отдельные сферы: работа, отдых, обучение, семья...

Большое значение имеет также понятие времени. Если западный человек все время куда-то торопится, боится опоздать, для него понятие времени является доминирующей категорией жизни, то восточный человек умеет ценить время, умеет наслаждаться временем, умеет не быть рабом времени. Западный человек стал рабом времени: часы решают за него, когда вставать, идти на работу, когда можно отдохнуть, сходить в кино, ресторан. Часы для западного человека стали идолом, символом неумолимости времени. Человек заключен в эту темницу 24-часового дня и не может из нее освободиться. Для западного человека представление о времени сводится к «стреле времени», которая течет от начала к концу, к концу его жизни. Это представление о времени было сформулировано в «проекте Просвещения» вместе с идеей прогресса, что и заставляет современного западного человека торопиться жить, боясь упустить момент. Восточный же человек чувствует себя хозяином своего времени,

потому что на Востоке преобладает идея цикличности бытия. К этому добавляется идея о цикличности жизни, близости к природе. Даже идея прогресса понимается на Востоке не так, как на Западе. Как пишет И.А. Абсалямова, «В идее прогресса рельефно выражен переход от циклического времени земледельческого общества к линейному векторному времени. Циклическое время необратимо и имеет предел в самом ходе природы и встроенной в нее человеческой жизни. Для векторного времени характерна обратимость: в нем можно возвратиться к исходному пункту и все исправить» [1. - С. 12].

Западный человек боится смерти и рассматривает свою жизнь как отрезок с естественным концом. Смерть кажется западному человеку неумолимой, а жизнь – короткой. В сознании западного человека присутствует страх смерти. Этот страх толкает его на как можно большее насыщение при жизни, на как можно большее потребление, прежде всего удовольствий. Это становится главной целью жизни человека западного общества.

Вместе с тем человек восточной культуры ощущает себя погруженным в мир, и это его состояние гармонии с миром, эта его вневременность позволяют ему воспринимать свою жизнь как «единство и гармонию с миром»: чувствуя себя частью этого мира, этой природы, восточный человек не боится вернуться в нее. По мнению В.Ф. Петренко и В.В. Кучеренко, «О.О. Розенберг отмечает, что в буддийском менталитете объекты не существуют отдельно от наблюдателя. <...> Например, не существуют отдельно человек и солнце, “есть единое поле опыта – человек, видящий солнце”. Реальность для буддиста не мир, в котором мы живем, но мир, который мы переживаем. Мир как “местопребывание” четко коррелирует с уровнем развития сознания разных живых существ. <...> Буддийская концепция пустоты (“шуньята”) утверждает иллюзорность представленного в сансаре мира, как и иллюзорность личности самого наблюдателя. В отличие от академической американской, европейской и отечественной психологии, где личность выступает вершиной психики, а “Я”, по образному выражению О. Кюльпе, является верховным правителем (хозяином) психических функций, <...> буддийское мировоззрение полагает их иллюзией омраченного сознания. Буддизм отрицает то, что в брахманизме или джайнизме получило название “джива” (душа) или “пудгала” (личность).» [10. - С. 90, 92]. Индивидуализм и одиночество западного человека толкают его искать удовольствий, забыться, постоянно двигаться, неважно куда. Восточный человек привязан к своей любящей семье, он чтит старших, уважает их мудрость и жизненный опыт, старается следовать в своей жизни заветам предков. Западный человек оторван от своей истории, своих корней, он не знает себя, да и, скажем прямо, боится заглянуть в свою душу, потому что там обитают только хаос и пустота.

Классическим уже стало утверждение о преобладании двух типов отношения к миру: деятельного – у западного человека и созерцательного – у восточного. Однако что же скрывается за этими понятиями?

Деятельное начало западного человека предполагает активное преобразование природы, всей окружающей действительности. Как отмечает А.П. Лысков, «Человек [в техногенной цивилизации] понимается прежде всего как деятельное, активное существо, призванное к преобразованию мира. Он – сила, противостоящая природе, вторгающаяся в ее процессы, преображающая объекты природы в необходимые для себя предметные формы. Деятельность человека направлена вовне, на преобразование и переделку внешнего мира. <...> Активный, деятельный субъект, утверждающий себя в воздействии на внешний мир, - так называемый фаустовский тип личности, - формируется прежде всего в ипостаси экономического человека» [7]. Природа понимается в данном случае как кладовая, источник ресурсов, с помощью которых человек может создать свой новый мир, который ему подходит. Как утверждает П.П. Гайденок, «В лице Декарта, как видим, естествоиспытатель рассуждает как техник-изобретатель, конструирующий определенный прибор: ведь именно последнему важен только эффект, а средства его достижения решающего значения не имеют. <...> В основе этого положения [поддержанного и углубленного Кантом] лежит отождествление естественного и искусственного, научного знания и технического конструирования, природы и машины. <...> Однако в XVI в., в эпоху Просвещения, когда началась критика метафизики со стороны ученых-естествоиспытателей, а также философов, настроенных позитивистски и возвестивших победу материализма – Эйлера, Мопертюи, Кейла, Леметри, Даламбера, Гольбаха и др., - возникла тенденция к тому, чтобы всю систему человеческого знания перевести на язык механики.» [5. - С. 86, 87]. Но в чем же дело? Почему западного человека не устраивает мир такой, какой он есть? Почему он пытается построить вместо живой природы мир искусственных вещей? Долгое время западный человек также жил в мире, погруженном в упорядоченность и цикличность. Однако с закатом эпохи Средневековья и наступлением эпохи Возрождения и Реформации происходит переустройство общества, появляются в явном виде такие классы как буржуазия и другие собственники капитала, которые стремятся получить прибыль. Таким образом, получение прибыли входит в противоречие с христианскими заповедями, поэтому наступает отказ от христианства и господство товарно-денежных отношений, основанных на капитале и частной собственности (прежде всего на земле). Естественным образом и наука из «служанки богословия» в Средневековье (хотя это утверждение мы бы оспорили) превращается в «служанку» капитала и капиталистов. Научные открытия используются капиталистами в целях повышения

уровня производства, увеличения прибыли. Природа же используется как источник сырья. Как утверждает А.А. Федоровских, «Вместе с тем, общество не может обходиться без идеалов и святынь. Господствующие группы социума неизбежно апеллируют к абсолютному, объективному, истинному, тотальному. Религия как таковая объявляется “ложным сознанием”, и обслуживать идеологию призывается наука, с ее претензией на истинность. Фактически, идеология сама, будучи ложным сознанием, претендующим на господство и объективность, отвергает религию как “свое-иное” (“тень” в терминологии Юнга).» [13. - С. 17].

В чем же причина такого отношения к природе? Человек Средневековья жил циклическим временем, верил в Бога и жил в общине, почитал природу как творение Божие, которое питает, дает возможность жить. Историки и философы говорят об этом периоде как о господстве мифологического сознания. В то же время природа считалась священной для крестьянина, ибо она дарила ему все для жизни. С началом процессов урбанизации и укрупнения капитала, которым обязано появление и рост буржуазии, происходит обратный процесс: буржуазия десакрализирует природу. Пока природа была священна, она не могла служить источником прибыли. Но как только провозглашается лозунг «природа – кладовая ресурсов» (для человека) и «знание - сила» (Ф. Бэкон), мифологическое сознание утрачивает свои позиции, и наступает эра деятельного освоения природных ресурсов. Как отмечает В.М. Розин, «Действительно, техника как артефакт сегодня воспринимается не только наравне с первой природой, но даже как реальность более естественная и непосредственная, чем явления первой природы.» [11. - С. 99].

В сознании восточного человека отсутствует это желание изменить природу. Западный человек, изменяя окружающий мир, стремится построить «новое общество», «техническую цивилизацию». Почему? Потому что он ненавидит природу и боится ее. Потому что природа в своей первозданной красоте напоминает ему о Том, кто ее создал. А западный человек отвергнул Творца, был изгнан из рая, и потому, не желая вспоминать о своем поражении, в гордости пытается превзойти Бога и построить рай на земле. И мы видим, чем оборачивается это желание – тяжелейшим экологическим кризисом, технизацией и киберизацией населения. М.В. Розин утверждает: «... дело не в технике, а том типе социальности, который сложился в последние столетия. До тех пор пока мы будем думать, что основные социальные проблемы решаются на ее основе, что благополучие человечества непосредственным образом связано с развитием современных технологий – мы будем и дальше способствовать углублению кризиса нашей цивилизации.» [11. - С. 106]. Если средневековый крестьянин был окружен в повседневной жизни силами природы и натуральными изделиями, то современный западный человек окружен промышленными

товарами, техническими приборами и совершенно огорожен от природы. «Совершенно другая картина, - как утверждает М.В. Розин, - складывается в культуре Нового времени. Природа стала пониматься как источник скрытых сил и энергий, которыми человек может овладеть, если только в новой науке он выявит устройство (законы) природы. В результате на рубеже XVI-XVII вв. формируется своеобразный социальный проект – создание новых наук и овладение силами природы с целью преодоления кризиса и установления в мире нового порядка, обеспечивающего человеку почти божественное могущество.» [11. - С. 102]. Но самое печальное в этом то, что он доволен своей искусственной клеткой. По мнению М.В. Розина, «Действие и присутствие техники, начиная с XX столетия, воспринимается как основная реальность, реальность по преимуществу, и хотя техника сделана человеком, именно она в настоящее время выступает в сознании обычного человека как “естественное”, а первая природа – скорее как “искусственное”, поскольку ее явления в одних случаях нужно использовать по назначению, а в других – сохранять.» [11. - С. 99].

Восточный же человек живет в обществе, где уклад жизни не меняется год от года. Он исповедует традиционные ценности: верность семье, роду, почитание старших, уважение к их мудрости и опыту. Но это не значит, что он не развивается. Созерцательное отношение к миру и превалирование принципа недеяния сочетаются в нем с глубоким уважением к природе как к месту его жизни. Восточный человек не отделяет себя от природы. Также он не отделяет друг от друга науку, религию, философию. Каждая из этих сторон мышления символизирует одно из стремлений человека и выражает себя как единство его внутриличностных составляющих: религия определяет повседневную жизнь человека, объясняет его прошлое и говорит о смысле его жизни как о вечном цикле рождения и смерти, наука – позволяет наблюдать за природой и перенимать ее возможности для использования их в повседневной жизни, философия – стремится объяснить мир, дает общую картину мира, утверждает мифологическое сознание, основанное на обычаях, традициях, ритуалах.

Только сравнительно недавно современная западная наука открыла для себя простоту и совершенство этого подхода к миру. «Пересмотр классических критериев научности, - по мнению М.О. Шахова, - позволил поставить вопрос: если идеал науки, в соответствии с которым ученый познает мир путем строгого рационального осмысления эмпирических данных, не допуская в этот процесс никаких недоказуемых метафизических суждений (как мечтал О. Конт, а позднее неопозитивисты), оказался недостижимым, и некие априорные постулаты все равно неустранимы из научного знания (в результате чего гносеологическая непорочность науки все равно оказывается утраченной,

вернее, никогда не существовала), стоит ли так упорно выводить за рамки науки любое суждение, допускающее вмешательство Бога, или шире, любое объективно-идеалистическое мировоззрение? Очевидно, что для этого нет оснований» [15. - С. 66]. Долгое время восточные общества считались «отсталыми», а западные – «прогрессивными». Однако прошло несколько сотен лет, и современная наука в своей деятельности использует «передовые» принципы жизни восточного человека.

Как же относились к рациональности в восточной культуре? Прежде всего необходимо сказать, что понимание рациональности на Востоке отличалось от ее понимания на Западе. Если на Западе преобладали сухая расчетливость и прагматизм, то Восток можно охарактеризовать как «созерцание + прагматизм». Что имеется ввиду? И в японской, и в китайской, и даже в корейской культурах присутствует понимание жизни как деление (довольно условное) на два уровня: внешнее и изменчивое как второстепенное, поверхностное и внутреннее, неизменное как основное, глубинное. Это то, что К. Юнг назвал бы коллективным бессознательным народа. «Если говорить об образе мифологического действия, - пишет М.Н. Чистанов, - то одним из наиболее характерных его свойств следует считать повторяемость, серийность. Любое практическое действие в мифологической картине мира так или иначе укладывается в рамки некоторого шаблона, эталонного действия, чаще всего относимого к событию, удаленному от субъекта большим временным или пространственным промежутком. Роль архетипа вовсе не в определении границ дозволенного и недозволенного, как об этом можно было бы подумать. Дело в том, что в мифологическом мышлении целенаправленное осмысленное действие только и возможно через воспроизведение некоторого образца. То, что не соответствует архетипу, просто не имеет смысла, а соответственно не может быть совершено, ведь не может существовать то, чего быть не может.» [14. - С. 15]. Если, пользуясь восточной терминологией, рассматривать цивилизации (и культуру) Востока и Запада, то на востоке издревле считали, что Запад по своей природе олицетворяет мужское начало: буйное, безудержное, экспансивное, в то время как сам Восток понимался как начало женское, умиротворенное, погруженное внутрь себя. При этом если на Западе в культуре ведущим считается именно мужское начало (патриархальный семейный и государственный строй, сюзерен – вассал, хозяин – слуга и т.д.), то на Востоке – женское начало, которое способно подчинить безудержную стихию мужского разрушительного начала своей лаской, спокойствием, любовью, то есть ненасильственными методами.

Потому и так неоднозначно понимание рациональности на Востоке. С одной стороны, мы видим классическую восточную культуру традиционного общества, чтущего природу, обычаи и традиции предков,

с другой – современные достижения технического прогресса, ставящие уже упомянутые экономики стран в число ведущих мировых экономик.

Возникает противоречие, однако только на первый взгляд. Восточная культура, руководствуясь принципом недеяния, вместе с тем активно насаждает свои культурные ценности по всему миру. Западный человек, как правило, руководствуется одной открытой целью. В то время как восточный человек руководит своей жизнью согласно глобальной цели (стратегически), одновременно используя методы и средства современного мира для достижения тактических целей. С этой точки зрения сознание восточного человека, как, впрочем, и вся восточная культура, устроены гораздо сложнее, в них больше уровней, глубже цели. И рациональность на Востоке понимается как удобное средство тактического воздействия для достижения стратегического перевеса сил.

Издравле Китай растворял в себе пытавшиеся завоевать его народы, окружая их своими обычаями и погружая в свою культуру. Сегодня население западных стран все в большей степени тяготеет к развлечениям. «Если роль этих [репрессивных] механизмов, - как утверждает Л.Л. Штуден, - в жизни общества превосходит некий критический предел – наступает стадия “окостенения” организма культуры с неизбежным возникновением эффекта социальной энтропии. Для многих локальных культур этот период совпал с временем зрелой цивилизации. Именно на этой стадии культура стремится обеспечить свою защиту тотальной системой жестких предписаний, отрываясь тем самым от своего живого источника – Первичных архетипов. Показателем этого, в частности, является ослабление живого религиозного чувства и утрата чистоты нравов: живая ткань культуры замещается здесь механическими структурами. Как показывает История (поздний Рим, поздний Вавилон, Новое царство Египта и т.д.), это состояние необратимо.» [17. - С. 36]. Именно китайские диаспоры в них, наравне с диаспорами других восточных стран, активно занимаются наукой, промышленностью, оставаясь в глубине своей души патриотами своей Родины.

И если западная экспансия привела через несколько сотен лет к Всемирному экологическому кризису, то восточная «тихая» экспансия приведет в будущем к бескровному захвату территорий западного мира, с их господством интуитивного познания и сочетанием двух принципов жизни на разных глубинных слоях культуры – созерцания и деятельности.

Роль и значение интуитивного познания в восточной культуре.

В предыдущем пункте нашего исследования мы затронули проблему поверхностного и глубинного слоев в восточной культуре. Говоря о рациональности в данном контексте, мы должны сказать, что место ее в восточной культуре как раз и приходится на этот

поверхностный слой, в то время как глубинный слой занимает проблема интуитивного, внерационального познания. Если рациональность в восточной культуре – чисто практический момент, связанный с общей общественно-исторической ситуацией (если общество, даже внешне, не будет меняться вслед за изменениями, происходящими в мире, оно рискует погибнуть), то внерациональное, господство интуитивного, внерационального, познания являются довлеющими в восточной культуре.

Вся древнекитайская, древнеяпонская философия построены на господстве принципа иррационального в познании и в жизни человека. На Востоке вообще характерно не разделение людей по отдельным категориям (философ, богослов, ученый), а их сосуществование в единстве. Вот почему великие религиозные деятели Востока являются одновременно и великими философами, и учеными, и наоборот – Лао-Цзы и Сунь-Цзы являются не только великими философами, но и основателями религий. Даосизм почитается в Китае наравне с конфуцианством как практической философией, в Японии буддизм и синтоизм существуют одновременно в мире и гармонии, и представители синтоизма одновременно относятся к последователям буддизма. Как указывает Р.М. Нугаев, «Мы оцениваем верование как истинное тогда, когда мы верим в то, что оно обладает определенными свойствами по отношению к другим верованиям. Оно может быть хорошо обосновано нашим опытом или сводиться к другим верованиям, соответствовать определенным канонам рациональности, состоять в индуктивных или дедуктивных отношениях с другими верованиями. Именно свойства верований, которые идентифицируются агентами как служащие этим функциям, и могут быть охарактеризованы как когнитивные ценности.» [9. - С. 127-128].

Таким образом, значение интуитивного познания в восточной культуре примерно таково, как и роль рационального – в западной. Только если в последней назревает кризис рациональности, то на Востоке внерациональное познание исторически и априори освобождено от критики. Если рациональное познание основывает свое существование на логике, математике и сборе и анализе фактов, то внерациональное познание тесным образом соединено с религиозным познанием и, таким образом, оно не нуждается в рациональных доказательствах, более того, рациональные доказательства здесь неприемлемы. «В целом, - как отмечает Е.А. Лисина, - ритуал по-китайски – это особая модель человеческой социальности, коренящаяся в самом порядке бытия. Такой социум – реальность не материальная, а духовная, символическая – и составлял подлинное бытие китайской цивилизации.» [6. - С. 16-17].

Внерациональное познание здесь легитимировано общим строем жизни народа, его верованиями, проверено исторически. Заметим, кстати,

что именно в рамках иррационального, созерцательного познания были сформулированы первые философские концепции древности, основы мироустройства, принципы общественного развития. Вся древняя теоретическая наука, в том числе и древнегреческая, включая Платона, вышла из «феории» - видения, созерцания идеальных сущностей и их последующего описания. Именно введение этих внерациональных компонентов в жизнь человека помогло сформулировать картину мира древности, защитить человеческое сознание той эпохи от безудержного хаоса. Способствовало появлению и последующему развитию общества, установлению таких общественных регуляторов, как обычаи, традиции, мораль, история. В конце концов, именно восточному обществу и культуре обязана своим появлением вся западная культура.

Запад и Восток: два пути общественной жизни и два способа познания.

Таким образом, Запад и Восток изначально находятся на противоположных путях жизни: Запад осуществляет экспансивную и агрессивную модель доступа к ресурсам и контроля за населением, в том числе с помощью науки и идеологии, в то время как Восток благоволит культуре «недеяния». Если Запад можно назвать культурой деятельной, то Восток – созерцательной.

На Западе рациональность навязывается в качестве единственного способа познания через социальные институты и через общий строй культуры (отсюда так огромно число последователей массовой культуры и антикультуры, выражающих, с одной стороны, общий упадок ценностей западного общества, с другой – бегство от рациональности), на Востоке же господствуют внерациональные виды познания, а рациональность используется как практический инструмент для выполнения тех или иных целей.

Запад нацелен на активное доминирование во всех сферах общественного сознания (экономика, политика, духовная жизнь), тем самым осуществляя манипулирование личностью, в то время как Восток позиционирует свою обеспокоенность не земной жизнью человека, а его посмертной участью.

Вместе с тем западная цивилизация и рациональный способ познания существуют всего несколько сотен лет, однако те принципы, которые лежат в ее основе, уже сегодня привели к Глобальному экологическому кризису и многим другим трудностям. Восточная же цивилизация, будучи основана на своих принципах тысячи лет назад, показывает наиболее стабильные показатели жизни населения и экологически более безопасна.

Западная цивилизация с ее атомизмом личностей оставляет современного человека западного мира в одиночестве и глубоком психологическом и душевном кризисе, в то время как восточная цивилизация с ее коллективизмом и заботой всех обо всех способствует общему прогрессу общества.

Западная модель личности как автономия независимых субъектов приводит уже сегодня к краху всей западной цивилизации. Это показывает как минимум глубокие изъяны в данной модели, как максимум – неверные основания, на которых она основывается. И это все более очевидно по сравнению с жителями незападных стран, в которых «индекс счастья» на несколько порядков выше, чем в западных странах.

Рационализм как исходное основание этой модели личности, модели жизни показывает свою историческую несостоятельность и должен быть ниспровергнут со своего пьедестала, более того – должен быть разрушен сам этот пьедестал. На его место должна прийти симфония рациональности и внерациональных видов познания, принцип экологичности, а не выгоды.

Другими словами, преодоление кризиса рациональности – в отсутствии ее абсолютизации, в синергии рациональности и внерациональных видов познания, охватывающих весь спектр познавательных способностей человека и все сферы его личности, в принципе экологизма и том глубоком нравственном чувстве, которое изначально присуще восточной культуре.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Абсалямова И.А. Европоцентризм и проблема самобытности русской культуры./Авторефер. ... канд. филос. н. – С-Пб., 2001.
2. Аргонов В.Ю. Искусственное программирование потребностей человека: путь к деградации или новый стимул развития? //Вопросы философии, №12 2008, с. 22-37.
3. Бакеева Е.В. Понимание как воссоздание смысла бытия: апофатический путь./Авторефер. ... докт. филос. н. – Екатеринбург, 2005.
4. Воробьева Л.П. Модернизм и постмодернизм в эволюции массовой культуры./Авторефер. ... канд. филос. н. – Ставрополь, 2006.
5. Гайденко П.П. К проблеме становления новейшей европейской науки.//Вопросы философии, №5 2009, с. 80-92.
6. Лисина Е.А. Феномен ритуала в жизни общества./Авторефер. ... канд. филос. н. – Оренбург, 2008.
7. Лысков А.П. Человек: путь к цивилизации. – М.: Гуманитарий, 1997 (монография).
8. Мельник В.И. Цивилизованность как категория социальной философии./Авторефер. ... докт. филос. н. – Екатеринбург, 2004.
9. Нугаев Р.М. Смена развитых научных теорий: ценностные измерения.//Вопросы философии, №11 2002, с. 124-134.
10. Петренко В.Ф., Кучеренко В.В. Медитация как форма непосредственного знания.//Вопросы философии, №8 2008, с. 83-101.
11. Розин В.М. Техника и социальность.//Вопросы философии, №5 2005, с. 95-107.
12. Ромм М.В. Социальная адаптация личности как объект философского анализа./Авторефер. ... докт. филос. н. – Томск, 2003.

13. Федоровских А.А. Трансформация сакрального и профанного в обществе: миф-религия-идеология./Авторефер. ... канд. филос. н. – Екатеринбург, 2000.
14. Чистанов М.Н. Генезис исторического сознания как проблема социальной философии./Авторефер. ... канд. филос. н. – Томск, 2001.
15. Шахов М.О. Реализм как общая основа религиозного и научного знания.//Вопросы философии, №10 2008, с. 66-77.
16. Швырев В.С. Рациональность как ценность культуры.//Вопросы философии, №6 1992, с. 91-105.
17. Штифанова Е.В. Ситуационный анализ свободы личности./Авторефер. ... канд. филос. н. – Екатеринбург, 2000.
18. Штуден Л.Л. Кризис сознания как феномен культуры./Авторефер. ... докт. филос. н. – Екатеринбург, 2000.